

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ.

СОСТАВЛЕНЪ

ПРОТОІЕРРЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ОРЛОВЫМЪ.

Герасимъ Петровичъ родился въ 1787 году. Мѣстомъ его рожденія былъ погостъ Павы, въ Лугскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи. Первоначальное образованіе ему дано было въ домѣ отца его, сельскаго священника, который могъ научить своего сына только читать и писать. Все учебное занятіе Павскаго до десяти лѣтъ состояло въ чтеніи Часослова, Псалтыри и Святцевъ. По исполненіи десяти лѣтъ, настояла нужда отдать его въ семинарію, и отецъ въ началѣ 1798 года привезъ его въ Петербургъ *). Съ этого времени и началось его ученіе. Низшіе классы тогда назывались фара, инфима, грамматика, синтаксима. Ученіе въ каждомъ классѣ продолжалось по году. Прошедъ это время ученія вездѣ съ хорошимъ успѣхомъ, Павскій не могъ однакожь приобрѣсть много познаній; потому что тогдашнее ученіе въ этихъ классахъ состояло единственно въ изученіи латинской грамматики. По переходѣ въ высшіе классы, которые тогда назывались поэзія, реторика, философія и богословіе, представилось больше средствъ къ приобрѣтенію познаній. С.-Петербургская семинарія была тогда однимъ изъ лучшихъ духовныхъ училищъ; въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія она названа была академіею. Въ ней преподавались такія науки, которыхъ не знали въ другихъ семинаріяхъ; въ ней были опытные учителя, которые приготавливали юношество не только для духовныхъ должностей, но и для учительскихъ каеандръ. Сюда принимаемы были отличные ученики изъ разныхъ семинарій для высшаго образованія.

*) У г. Чистовича: *во Псковѣ*.

Павскому нашлось здѣсь довольно дѣла: было чему поучиться, было кому и поревновать. Явились соперники, которые старались опередить его. Соревнуя имъ, даровитый юноша прилежно изучалъ одну науку за другою; особенно хорошіе успѣхи оказывалъ въ философіи и богословіи. Къ языкамъ онъ имѣлъ особенную способность, знакомясь съ ними легко и скоро: въ короткое время онъ узналъ языки еврейскій, греческій, нѣмецкій и самоучкою французскій. Одна только бѣдность, этотъ непримиримый врагъ любознательнаго питомца, непрестанно стѣсняла его и препятствовала его занятіямъ. Часто онъ не имѣлъ приличной одежды и не могъ приобрести ее; потому что отецъ его съ трудомъ вносилъ въ казну ничтожную денежную плату за содержаніе своего сына и не имѣлъ никакихъ средствъ прилично одѣвать его. Трудолюбивый юноша нуждался въ книгахъ, и ему не на что было купить ихъ. Этотъ недостатокъ онъ вознаграждалъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что пользовался всякою хорошею книгою, которая попадалась ему въ руки. Долго бы пришлось еще Павскому бороться съ бѣдностью, если бы его благонравная жизнь и отличные успѣхи не обратили на него вниманіе начальства. Не имѣя средствъ дать ему казенное содержаніе, оно по благосклонности своей назначило ему въ селѣ праздное священническое мѣсто, съ котораго и получалось было все нужное для его содержанія. Съ этого времени Павскій спокойно продолжалъ любимыя занятія и при концѣ курса обладалъ уже такими разнообразными свѣдѣніями, что могъ занимать съ честью кафедру въ семинаріи; но Провидѣнію Божию угодно было довершить образованіе юноши и приготовить въ немъ такого дѣлателя, который былъ бы полезенъ не одной только школѣ, а цѣлому сословію ученыхъ.

Наступилъ 1808 годъ, достопамятный въ лѣтописяхъ духовнаго просвѣщенія. Въ это время духовныя училища преобразованы были по новому плану и основана нынѣшняя духовная академія въ С.-Петербургѣ. Сему учебному заведенію дарованы были важныя преимущества: она получила право возводить въ ученые степени, изъ которыхъ каждой присвоенъ денежный окладъ и гражданскій чинъ; учебные предметы распространены въ объемъ, и къ прежнимъ прибавлены новые. Кромѣ догматическаго и нравственнаго богословія, велѣно преподавать полемическое богословіе, священную и церковную исторію, церковное краснорѣчіе, философію съ ея исторіею, высшую математику и физику, для которой устроенъ при академіи хорошій кабинетъ, эстетику, гражданскую

исторію, общую и русскую; къ французскому и нѣмецкому языкамъ въ послѣдствіи прибавленъ англійскій. Для преподаванія этихъ наукъ вызваны были лучшіе наставники изъ разныхъ мѣстъ Россіи, даже изъ-за границы.

Желаніе высшаго образованія и важныя права, предоставленныя академическимъ воспитанникамъ, возбудили необыкновенное одушевленіе въ духовномъ юношествѣ: явилось много желающихъ трудиться на новомъ поприщѣ. Чтобы удовлетворить этому благому желанію, положено было принять въ составъ перваго академическаго курса сто воспитанниковъ. Этотъ курсъ отличался отъ послѣдующихъ тѣмъ, что былъ продолжительнѣе ихъ, и тѣмъ, что почти на половину состоялъ изъ людей зрѣлаго возраста, которые по нѣскольку лѣтъ занимали учительскія должности въ семинаріяхъ.

Вмѣстѣ съ прочими принятъ былъ въ академію и Павскій. Въ надеждѣ пріобрѣсти новыя сокровища науки на новомъ мѣстѣ воспитанія, онъ принялся за дѣло со всѣмъ усердіемъ. Сначала онъ учился всему, но вскорѣ увидѣлъ, что у него неостанется времени и силъ, чтобы хорошо успѣвать во всѣхъ наукахъ. Отяготительнѣе всѣхъ ихъ была математика; преподаватель ея, профессоръ Гурьевъ читалъ ее быстро, по собственнымъ, весьма обширнымъ запискамъ. Слѣдить за его уроками значило отказаться отъ всѣхъ другихъ наукъ; точно такъ и сдѣлалось: предавшіеся математикѣ, человекъ до пяти, учились ей одной, рѣдко посѣщая другіе классы. Павскій не считалъ себѣ полезнымъ предаться вполнѣ одной математикѣ и чрезъ годъ отказался отъ нея, но за то съ большею охотою сталъ заниматься богословіемъ и языками.

Второе неудобство въ первомъ академическомъ курсѣ состояло въ томъ, что не имѣлось печатныхъ руководствъ для всѣхъ почти многообразныхъ наукъ, изъ которыхъ каждая преподаваема была въ обширнѣйшемъ видѣ. Церковная исторія, философія, всеобщая исторія и эстетика изучаемы были по запискамъ профессоровъ; надобно много было здоровья и трудовъ, чтобы по всѣмъ этимъ предметамъ приготовить заданные уроки, т. е. сперва списать, а потомъ выучить. Въ послѣдующихъ курсахъ эти недостатки исправлены: академическое ученіе продолжается только четыре года; первые два года посвящаются на свѣтскія науки, вторые два года на богословскія въ разныхъ ихъ видахъ; письменные труды облегчены тѣмъ, что профессорскіе уроки литографируются и раздаются студентамъ готовые.

При всѣхъ неудобствахъ и трудностяхъ, Павскій не отста-

валъ отъ наукъ, и болѣе или менѣе занимался всѣми, кромѣ математики; особенно усердно занимался науками богословскими. Богословскія науки сдѣлались любимымъ занятіемъ Павскаго какъ потому, что онѣ суть существенныя въ академіи, такъ и потому, что профессеры заслуживали всякое уваженіе. Первымъ профессоромъ богословія былъ ректоръ архимандритъ Евграфъ, человѣкъ въ живымъ воображеніемъ, любитель мистическихъ толкованій св. писанія; но онъ скоро умеръ. Послѣ него былъ ректоромъ архимандритъ Сергій, человѣкъ не столько ученый, сколько добродушный и потому любимый. Наконецъ профессоромъ богословія, церковной исторіи и толкователемъ священнаго писанія былъ архимандритъ Филаретъ, заслужившій особенное уваженіе студентовъ и возбуждвшій въ нихъ большую охоту заниматься священнымъ писаніемъ. Слушая его уроки, Павскій получилъ особенную наклонность къ изученію священнаго писанія, на которомъ, какъ извѣстно, основано все богословское ученіе. Чтобы дойти до самого корня науки, онъ всевозможное стараніе употребилъ на то, чтобы понять священное писаніе въ полномъ объемѣ. Это и было причиною, что онъ посвятилъ много времени и старанія на изученіе еврейскаго языка.

По уставу академіи, студенты, оканчивающіе курсъ, должны написать пространное богословское сочиненіе для пріобрѣтенія ученой степени; этотъ законъ строго соблюдается и нынѣ. Павскій избралъ предметомъ для такого сочиненія книгу хваленій пророка Давида (Псалтырь), имѣя цѣлю разсмотрѣть ее исторически и филологически. Зная основательно еврейскій языкъ, онъ написалъ сочиненіе, которое заслужило полное одобреніе академической конференціи и было напечатано. Между тѣмъ наступило время частныхъ экзаменовъ для студентовъ перваго курса; Павскій, которому было тогда 27 лѣтъ, держалъ ихъ съ такимъ успѣхомъ, что занялъ первое мѣсто между своими сверстниками. Его сочиненіе о книгѣ хваленій назначено было для чтенія на публичномъ экзаменѣ. Публичные экзамены въ духовныхъ академіяхъ и нынѣ отличаются особенною торжественностію; а тогда, въ самомъ началѣ новаго академическаго образованія, когда петербургская духовная академія была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, эти экзамены происходили еще съ большимъ блескомъ. На экзаменѣ перваго курса собраюсь весьма много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы видѣть успѣхи юношей, которые должны были начать преподаваніе наукъ въ духовныхъ училищахъ по новой ме-

тодѣ. На этомъ торжественномъ собраніи Павскій произносилъ свое сочиненіе и заслужилъ общую похвалу. Предсѣдательствующій членъ собранія, преосвященный митрополитъ Амвросій, который любилъ науки и всячески поощрялъ ученыхъ, въ знакъ своего вниманія къ трудамъ даровитаго юноши, наградилъ его славянскою Библіею, какъ такую книгою, которая должна была служить ему руководствомъ въ жизни и на службѣ. Герасимъ Петровичъ высоко цѣнилъ этотъ даръ знаменитаго архипастыря, о которомъ всегда вспоминалъ съ величайшимъ уваженіемъ. Подаренная Библія всегда была у него подъ руками и не сходила со стола до самой смерти.

Такъ кончилось воспитаніе Павскаго; оно продолжалось отъ 1798 до 1814 года и исполнено было тяжелыхъ трудовъ и лишеній; только твердая его воля и любовь къ наукѣ помогли ему перенести ихъ. За это онъ награжденъ былъ со всею щедростію: коммисія духовныхъ училищъ возвела его на степень магистра богословія и назначила ему должность, соотвѣтственную его познаніямъ. Онъ и его товарищи, лучшіе студенты, сдѣланы были бакалаврами и заняли кафедры въ академіяхъ С.-Петербургской и Московской, которая открыта была около того времени. Эти молодые дѣлатели, изъ которыхъ многіе занимали въ послѣдствіи времени важнѣйшія духовныя должности, начали свою службу съ такимъ усердіемъ, съ какимъ только можетъ проходить ее благовоспитанный юноша, проникнутый духомъ своего званія, и приобрѣли себѣ великую славу своими сочиненіями по разнымъ отраслямъ духовнаго просвѣщенія.

Въ духовныхъ семинаріяхъ, и до преобразованія ихъ, учили еврейскому языку; но это ученіе не могло имѣть хорошихъ успѣховъ, по недостатку учебныхъ пособій; тогда не было ни еврейской грамматики, ни христоматіи, ни лексикона; кто хотѣлъ, тотъ долженъ былъ учиться по нѣмецкимъ учебникамъ, не для всѣхъ доступнымъ. Павскій, сдѣлавшись наставникомъ въ с.-петербургской академіи, скоро восполнилъ этотъ недостатокъ: въ самомъ началѣ своей службы, онъ написалъ грамматику, составилъ христоматію и лексиконъ; первыя двѣ книги тогда-же были напечатаны и приняты въ руководство; послѣдняя, неизвѣстно почему, осталась въ рукописи.

Грамматика и христоматія Павскаго и теперь остаются у насъ единственнымъ пособіемъ къ первоначальному познанію еврейскаго языка; послѣ него никто не издавалъ подобныхъ сочиненій. Сколь ни были недостаточны эти книги, какъ первый опытъ молодого

филолога, однако онъ оживилъ занятіе еврейскимъ языкамъ, особенно въ с.-петербургской духовной академіи. Нашлось много охотниковъ, которые съ большимъ успѣхомъ стали изучать его; а тѣ, у которыхъ не было къ тому охоты, любили ходить на лекціи Павскаго, чтобы глубже вникнуть въ священное писаніе, потому что онъ, переводя еврейскій текстъ на русскій языкъ, прибавлялъ къ переводу филологическія объясненія. Двадцать лѣтъ (1814—1834) Герасимъ Петровичъ преподавалъ еврейскую литературу въ академіи; въ это время онъ приготовилъ многихъ отличныхъ наставниковъ для семинарій, которые съ честію обучали еврейскому языку. Какъ профессоръ, имѣя всѣ возможныя пособія для знанія еврейскаго языка, Павскій видѣлъ, что нѣмецкіе ученые приобрѣли глубокія въ немъ познанія не иначе какъ чрезъ сличеніе его съ родственными языками, арабскимъ, сирскимъ и халдейскимъ: по этому, естественно, и самъ долженъ былъ познакомиться съ духомъ языковъ арабскаго и халдейскаго.

Ученые труды Павскаго были такъ полезны для академіи, что духовное начальство почти каждый годъ поручало ему новыя должности; въ томъ-же году, въ которомъ онъ началъ свою службу, его избрали въ члены академической конференціи; въ слѣдующемъ году сдѣлали священникомъ въ Казанскій соборъ; чрезъ годъ, назначили его членомъ цензурнаго комитета, учрежденнаго при духовной академіи. Тогда же (1817) опредѣлили его законоучителемъ въ Царскосельскій лицей; впрочемъ, онъ проходилъ эту должность не больше года, и съ окончаніемъ перваго лицейскаго курса принужденъ былъ отказаться отъ нея, сколько по отдаленности лицея отъ прочихъ мѣстъ службы, столько и по тогдашней слабости здоровья.

По выходѣ изъ лицея, духовное начальство отрекомендовало Павскаго въ члены военной комисіи, учрежденной, по Высочайшему повеленію, для составленія учебныхъ пособій кантонистамъ. Въ этой комисіи, подъ главнымъ начальствомъ графа Аракчеева, предсѣдательствовалъ графъ Сиверсъ; а членами были флигель-адъютантъ Клейнмихель, Миддендорфъ, Гречъ и Павскій. Они трудились около двухъ лѣтъ, приготовили матеріалы для разныхъ учебниковъ, составили русскую грамматику, которая тогда-же была напечатана и принята въ руководство въ школахъ военныхъ кантонистовъ, но, по желанію графа Аракчеева, въ общее употребленіе не пущена; а какъ эта книга не имѣла другихъ изданій, то нынѣ встрѣчается рѣдко.

Еще не кончились занятія Павскаго въ этой комисіи, какъ на него возложено было новое, весьма важное порученіе. Когда руссiйское библейское общество, распространявшее священное писаніе на всѣхъ языкахъ, почувствовало нужду въ русскомъ его переводѣ, и когда св. Синодъ одобрилъ это благое намѣреніе общества, тогда переводить священныя книги съ греческаго и еврейскаго языка поручено было наставникамъ духовныхъ академій; на долю Павскаго достался переводъ Евангелиста Матѳея. Для пересмотра и приведенія въ единство разныхъ переводовъ составленъ былъ комитетъ изъ членовъ св. Синода, преимущественно изъ тѣхъ, которые знали древніе языки, также изъ ректоровъ академій и семинарій. Спустя нѣсколько времени, когда въ этомъ комитетѣ пересмотрѣны и напечатаны были четыре Евангелія, туда приглашенъ былъ и Павскій. Съ того времени до самаго окончанія перевода новозавѣтныхъ книгъ, онъ былъ главнымъ пересмотрщикомъ и исправителемъ всѣхъ частныхъ переводовъ. Къ каждому собранію комитета онъ приготовлялъ пересмотрѣнный текстъ для окончательнаго одобренія. Какъ участникъ въ томъ дѣлѣ, которымъ занималось библейское общество, онъ въ послѣдствіи принятъ былъ въ дѣйствительные его члены, которые назывались директорами. Занятіе директоровъ преимущественно состояло въ томъ, чтобы вести переписку съ иногородными отдѣленіями общества.

Когда приступлено было къ переводу книгъ Вѣтхаго Завѣта на русскій языкъ, тогда Павскій часто имѣлъ нужду обращаться къ еврейскому тексту священнаго писанія, потому что получалъ обязанность готовить къ каждому собранію комитета извѣстное отдѣленіе. Это приготовленіе состояло въ томъ, чтобы переводъ сдѣланъ былъ вѣрно съ еврейскаго и сличенъ съ переводомъ 70-ти. Такимъ образомъ, подъ редакцію Павскаго, совершенъ переводъ пяти книгъ Моисеевыхъ, Иисуса Навина, Судей, Руи и первой книги Царствъ. Во время этой редакціи Павскій имѣлъ случай еще больше познакомиться какъ съ духомъ еврейскаго языка, такъ и съ переводомъ 70-ти. Остальныя книги, не рассмотрѣнныя въ комитетѣ, Павскій перевелъ собственно для себя, употребивъ всѣ средства, требовавшіяся для точности. Еще прежде этого комитета, Павскій, примѣчая много темныхъ мѣстъ въ знакомой ему съ дѣтства Псалтири, перевелъ ее по собственной охотѣ съ еврейскаго. И этотъ переводъ пересмотрѣтъ былъ тоже въ особенномъ комитетѣ, одобренъ членами св. Синода и изданъ

въ свѣтъ. За столь дѣятельное участіе въ переводѣ священнаго писанія Павскій сдѣланъ былъ профессоромъ еврейскаго языка (1818), возведенъ на степень доктора (1821) и награжденъ орденъ св. Владиміра 4-й степени *).

Въ то время, когда Герасимъ Петровичъ трудился въ библейскомъ комитетѣ, ему предложена была богословская кафедра въ С.-Петербургскомъ университетѣ, на которую онъ и вступилъ въ 1819 году. На этомъ новомъ мѣстѣ служенія онъ такъ умѣлъ всѣхъ занять своими умными лекціями, что его аудиторія полна была слушателей, которыхъ онъ знакомилъ съ ходомъ религіи въ человѣческомъ родѣ, въ особенности религіи христіанской.

Въ концѣ 1826 года, Павскій, бывший тогда протоіереемъ Андреевскаго собора, вышелъ изъ университета, оставшись только почетнымъ его членомъ. Въ это время онъ былъ призванъ и опредѣленъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ законоучителя Цесаревича, Великаго Князя Александра Ни-

*) Считаемъ не лишнимъ дополнить эти свѣдѣнія о переводѣ книгъ св. Писанія на русскій языкъ слѣдующею замѣткою г. Чистовича въ некрологѣ Г. П. Павскаго: «Превосходный переводъ книгъ Ветхаго Завета, теперь отчасти извѣстный публикѣ (онъ печатается по частямъ въ «Духѣ Христіанина»), доставилъ Павскому много неприятностей. Вотъ по этому дѣлу нѣсколько интересныхъ подробностей. Бывши въ академіи профессоромъ еврейскаго языка и литературы, Павскій переводилъ съ еврейскаго языка на русскій Библию, книгу за книгой. Студентовъ интересовалъ этотъ переводъ, и они записывали его за профессоромъ. Когда составила полная Библия, студенты, воспользовавшись даннымъ имъ правомъ литографировать лекціи, налитографировали русскій переводъ Библии (собственно учительныхъ и проповѣдскихъ книгъ Ветхаго Завета), считая это дѣло ученымъ, а не церковнымъ, и притомъ можно сказать, домашнимъ, какъ учебное пособие для классическихъ занятій. Нѣсколько экземпляровъ послано было въ подарокъ въ Москву и въ Киевъ. Это было въ 1841 году. Въ началѣ слѣдующаго года, не извѣстный ревнитель вѣры, безъименнымъ письмомъ, отправленнымъ по почтѣ, встревожилъ нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства представленіемъ опасности, какая можетъ произойти отъ этого перевода, будто-бы невѣрно или неточно передающаго нѣкоторые мѣста изъ Ветхаго Завета. Академія сдѣланъ былъ запросъ: съ чьего позволенія и одобренія сдѣланъ и издавъ этотъ переводъ? Такъ какъ общая молва приписывала его Павскому, то положено было допросить его объ этомъ, а митрополиту Іонѣ поручено было сдѣлать ему духовное вразумленіе. Въ то же время составленъ былъ, подъ прецѣдательствомъ Волынскаго архіепископа Никанора, комитетъ для отобранія розданныхъ экземпляровъ литографированной Библии и для допроса ихъ владыцъ. Комитетъ не нашелъ въ этомъ дѣлѣ ничего ни преслужнаго, ни опаснаго для церкви (Правосл. Обзоръ. апр. Зам. стр. 248).

колаевича, нынѣ благополучно царствующаго Императора. Глубокая ученость Павскаго была такъ извѣстна при самомъ дворѣ, что на него, какъ на лучшаго наставника, возложено было религиозное образованіе Наслѣдника престола. Написанная для сего богословская программа представлена была на Высочайшее разсмотрѣніе, одобрена, и съ 30 ноября 1826 года Павскій началъ свои занятія съ Августѣйшимъ ученикомъ. Въ слѣдующемъ (1827) г., ему-же поручено было обучать закону Божию Ея Высочество, Великую Княжну Марію Николаевну. Чтобы дать законоучителю больше нравственнаго вліянія на учениковъ, его тогда-же сдѣлали духовникомъ Ихъ Высочествъ. Въ послѣдствіе времени, когда Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ, Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ исполнилось по семи лѣтъ и приспѣло время Ихъ воспитанія, на Павскаго возложена была должность законоучителя и духовника и этихъ двухъ царственныхъ Дщерей.

Поелику въ то время мало было хорошихъ учебниковъ по разнымъ отраслямъ духовнаго просвѣщенія, то Павскій долженъ былъ позаботиться о составленіи по нѣкоторымъ предметамъ собственныхъ руководствъ; такія руководства и составлены были по церковной исторіи и литургикѣ. Нѣкоторые изъ литургическихъ уроковъ напечатаны были въ «Христіанскомъ Читеніи», а историческія лекціи, равно какъ и весь общій обзоръ богословскихъ уроковъ, напечатаны отдѣльно въ маломъ количествѣ экземпляровъ въ пособіе Ихъ Высочествамъ при слушаніи и повтореніи уроковъ.

Вступивъ на придворную службу, Павскій сдѣлавъ былъ протоиереемъ большаго собора въ зимнемъ дворцѣ съ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, чтобы въ ряду тамошняго духовенства занимать ему мѣсто послѣ духовника Ихъ Величества, и въ случаѣ его болѣзни или отсутствія служить въ малой придворной церкви въ присутствіи Императорской Фамиліи. Скоро онъ заслужилъ милостивое вниманіе Августѣйшихъ родителей своихъ Высокихъ Учениковъ и Ученицъ Ихъ Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица неоднократно изъявляли Свое благоволеніе законоучителю въ дарованныхъ ему знакахъ отличій. Онъ награжденъ былъ брилліантовымъ наперстнымъ крестомъ, алмазными знаками св. Анны 2-й ст., орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и двумя брилліантовыми перстнями.

Такъ въ немногіе годы Герасимъ Петровичъ получилъ столько милостей отъ щедротъ Монаршихъ, сколько можно получить въ

скромномъ званіи священнослужителя. Но земное счастье челоуѣка имѣеть свои предѣлы: отъ тяжкихъ трудовъ, соединенныхъ съ столь многочисленными должностями, крѣпкое здоровье Павскаго стало ослабѣвать: открылись болѣзни, которыя требовали продолжительнаго лѣченья. Къ болѣзнямъ присоединились разныя огорченія, эти неизбѣжные спутники почти всѣхъ даровитыхъ людей, поставленныхъ высоко судьбою. Все это расположило Павскаго искать себѣ жизни тихой и спокойной. Въ началѣ 1835 года, когда особенно усилились въ немъ припадки болѣзни, онъ обратился къ Его Величеству съ всеподданнѣйшею просьбою объ увольнении его отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей. Снисходя на эту просьбу, Государь Императоръ уволилъ его, и въ ознаменованіе Своего благоволенія къ его заслугамъ, возложилъ на него драгоценный бриллантовый крестъ, сохранивъ за нимъ всѣ права и преимущества по службѣ. Для возстановленія разстроеннаго здоровья ему данъ былъ полугодичный отпускъ, по прошествіи котораго онъ переведенъ былъ изъ большаго придворнаго собора къ болѣе покойной и уединенной церкви таврическаго дворца *).

*) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ письма В. А. Жуковскаго къ Герасиму Петровичу. Письмо это показалося вамъ такъ любопытно, что мы помѣстимъ его вполнѣ.

Мил. Госуд. Герасимъ Петровичъ! Письмо Вашего Высокопреподобія ко мнѣ, въ коемъ вы изъявляете необходимость, понудившую васъ желать увольненія отъ званія законоучителя и духовника Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Наслѣдника и Великихъ Княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ, я всеподданнѣйше представляю на благорасмотрѣніе Государя Императора. Его Императорское Величество, соизволивъ согласиться на просьбу Вашу, благоволилъ повелѣть мнѣ объявить вамъ Его Высочайшее благоволеніе за то постоянное усердіе, съ коимъ Вы исполняли званіе законоучителя при Ихъ Высочествахъ. Для меня особенно пріятно быть исполнителемъ сей воли нашего Всемилостивѣйшаго Государя. Будучи свидѣтелемъ въ продолженіе осьми лѣтъ вашихъ дѣйствій, я имѣлъ возможность узнать васъ коротко, и на всю жизнь сохранию къ вамъ то почтеніе, которое вы вселили въ меня своимъ благороднымъ характеромъ, своею чистою нравственностію, основанною на Вѣрѣ, своимъ умомъ просвѣщеннымъ и своимъ безкорыстнымъ усердіемъ въ исполненіи возложеннаго на васъ долга. Да послужитъ вамъ, при горестной разлукѣ вашей съ Высокими вашими воспитанниками, утѣшеніемъ мысль, что вы способствовали къ развитію въ сердцахъ Ихъ чистѣйшихъ чувствъ и правилъ Вѣры, что вы заслужили уваженіе и любовь, и что Ихъ привязанность къ вамъ никогда не ослабѣетъ; другимъ утѣшеніемъ для васъ будетъ то, что вашъ преемникъ вполнѣ заслуживаетъ довѣренность, оказанную ему Государемъ

Послѣ перехода въ таврическій дворецъ для Павскаго начался новый періодъ жизни; въ это время онъ не имѣлъ никакого движенія по службѣ; не смотря на то, весьма много сдѣлалъ для науки. Въ тишинѣ своего кабинета онъ употреблялъ все свободное время, котораго теперь было у него много, на сочиненія философскія и богословскія. Богословскія сочиненія онъ помѣщалъ въ Христіанскомъ Чтеніи (1835—1841 г.); изъ нихъ особенно замѣчательны — толкованія евангельскихъ притчей. Въ этомъ журналѣ Павскій принималъ самое живое участіе и больше двадцати пяти лѣтъ былъ самымъ усерднымъ сотрудникомъ. Философскія сочиненія онъ помѣщалъ въ свѣтскихъ журналахъ (Библиотекѣ для Чтенія въ самые первые годы ея изданія). Но главный трудъ, на которомъ сосредоточено было все вниманіе Павскаго, состоялъ въ наблюденіяхъ надъ составомъ Русскаго языка. Остроумный фи-

Императоромъ и что начатое вами святое дѣло довершено будетъ при благословеніи Божиѣмъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Въ ознаменованіе Своего Высочайшаго благоволенія къ вамъ Государь соизволилъ повелѣть, чтобы половина жалованья, которое вы получали, какъ законоучитель и духовникъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и все ваше жалованье, конимъ вы пользовались, какъ учитель духовной Академіи, были обращены вамъ въ пенсію. Сверхъ того, Его Величество благоволилъ назначить вамъ въ награду бриліантовый крестъ, который въ свое время будетъ вамъ доставленъ. Ея Императорское Величество Государыня Императрица, желая равномѣрно изъявить Вамъ Высочайшее Свое благоволеніе, соизволила опредѣлить обѣимъ вашимъ дочерямъ по пяти сотъ рублей пенсіи въ годъ до ихъ замужества. Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ и Великія Княжны Марія, Ольга и Александра Николаевны испрашивали у Государя Императора позволеніе пожаловать вамъ на память о Нихъ Свои портреты, и Его Величество благоволилъ изъявить на то Свое согласіе. Портреты сіи вы получите, какъ скоро они будутъ готовы. Наконецъ, для доставленія вамъ большаго спокойствія, нужнаго для возстановленія разстроеннаго здоровья, Государь повелѣлъ перевести васъ изъ большаго дворца въ Таврическій, съ сохраненіемъ и вашего прежняго званія и соединеннаго съ нимъ старшинства и всего по оному получаемаго жалованья. Имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопреподобію всѣ бумаги, служащія документами вышесказаннаго.

Заключаю письмо мое усерднымъ желаніемъ, чтобы уединенная, тихая жизнь возвратила вамъ утраченныя вами силы. Главныя условія земнаго счастья для васъ уже исполнены: вы имѣете непорочную совѣсть для спокойнаго взгляда на прошедшее, просвѣщенный умъ и любовь къ дѣятельности для наслажденія настоящимъ, и вѣру смиреннаго христіанина для безмятежной надежды на будущее. Все остальное въ волѣ промысла.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть... Василій Жуковскій.
18 февраля 1886 года.

Юлогъ тщательно разсматривалъ древнѣйшіе памятники славянскои письменности, изучалъ славянскія нарѣчія, читалъ сочиненія знаменитыхъ славянскихъ филологовъ, переносился даже во времена глубокой древности, и по сохранившимся до насъ памятникамъ изучалъ симическія нарѣчія, арабское, сирское, халдейское, съ которыми нѣсколько знакомъ былъ и прежде.

Нѣтъ нужды говорить, что Павскій ничего не падалъ для пріобрѣтенія книгъ, относившихся къ его предмету; его кабинетъ заваленъ былъ филологическими сочиненіями; гдѣ бы ни появлялась такая книга, онъ покупалъ ее, чего бы она ни стоила. Всѣ эти книги были внимательно разсмотрѣны и испещрены безчисленными замѣтками. Что касается до русскихъ сочиненій, то едва ли осталось хоть одно, сколько-нибудь замѣчательное, которое не было бы имъ прочитано. Павскій читалъ всякія русскія книги; само собою разумѣется, что филологическія составляли исключительное его чтеніе. Едва только выходила въ свѣтъ такая книга, какъ она была уже въ рукахъ любознательнаго филолога и прочитываема была до конца. А такъ называемыя капитальныя сочиненія, каковы напр. словари бывшей російской академіи и втораго отдѣленія академіи наукъ, также грамматики заслуженныхъ нашихъ филологовъ Востокова и Греча, то эти книги едва-ли не были выучены имъ на память.

Съ такимъ-то запасомъ свѣдѣній Павскій приступилъ къ собственному труду; онъ привелъ въ строгій порядокъ собранные матеріалы, оживилъ ихъ одною мыслию и изложилъ въ трехъ томахъ *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка*. Занимаясь этимъ сочиненіемъ около десяти лѣтъ, Павскій находилъ первую и самую лучшую награду въ своей совѣсти: какъ бывало онъ радовался, когда путемъ изслѣдованій овъ приходилъ къ какому-нибудь новому открытію въ области языка! Такое открытіе было для него драгоценною находкою.

Дальновидному наблюдателю извѣстно было, что его книга не будетъ имѣть многочисленныхъ читателей, что только записные любители русскаго слова, или люди, призванные къ тому должностію, прочтутъ ее; поэтому онъ напечаталъ ее въ маломъ количествѣ экземпляровъ; когда же она вышла въ свѣтъ, внимательно слѣдилъ за отзывами образованныхъ читателей, высказывались ли они печатно, или передаваемы были ему изустно. Павскому всего больше хотѣлось знать мнѣніе втораго отдѣленія академіи наукъ, какъ законодательнаго сословія ученыхъ, о своемъ трудѣ; съ этою

*

цѣлю онъ представилъ свою книгу на судъ ихъ. Академія поручила разсмотрѣть ее дѣйствительному члену своему, А. Х. Востокову, и основываясь на его отзывѣ ¹⁾, присудила автору полную демидовскую премію. Съ этого времени Академія всегда высоко цѣнила глубокою ученость Павскаго, часто сносила съ нимъ въ своихъ занятіяхъ и въ послѣдствіи избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ (1858).

Между тѣмъ, Павскій приступилъ къ окончанію своего сочиненія: по замѣчаніямъ Академіи, онъ исправилъ и значительно пополнилъ первые три тома и написалъ четвертый; въ этихъ четырехъ томахъ разсмотрѣна была вся этимологическая часть русской грамматики съ любопытными подробностями ²⁾. Тогда Академія произнесла окончательный приговоръ объ этомъ сочиненіи. Вотъ что писалъ объ этомъ академикъ И. И. Давыдовъ: «грамматическая литература наша обогатилась филологическими наблюденіями надъ составомъ Русскаго языка протоіерея Павскаго. Это сочиненіе и въ литературѣ богатой было бы встрѣчено благосклонно; въ нашей же, не имѣвшей до того времени ничего подобнаго, оно принято съ уваженіемъ. Филологическими наблюденіями началось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка... По появленіи сочиненія прот. Павскаго, составившаго въ исторіи грамматики нашей эпоху, планъ грамматики, начертанной въ 1842 году Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи, долженъ былъ измѣниться въ методѣ и объемѣ» ³⁾.

Чѣмъ развлекалъ себя нашъ неутомимый дѣлатель среди филологическихъ трудовъ? Самое пріятное развлеченіе онъ находилъ въ своемъ семействѣ. Герасимъ Петровичъ послѣ десяти лѣтъ супружества овдовѣлъ; его прекрасная супруга Е—я А—а оставила ему двухъ дочерей, въ воспитаніи которыхъ онъ находилъ самое пріятное развлеченіе; самъ училъ ихъ христіанской вѣрѣ, развивалъ въ нихъ добрыя склонности и радовался, когда видѣлъ, что

¹⁾ Разборъ Востокова въ 13 Отч. о Демидовскихъ наградахъ, стр. 11—50.

²⁾ Въ пятомъ томѣ сочинитель хотѣлъ напечатать сравнительный словарь русскихъ коренныхъ словъ съ иностранными, приготовилъ много матеріаловъ и началъ было приводить ихъ въ порядокъ; но какъ этотъ трудъ требовалъ большой усидчивости, которой не позволяло уже стару его слабое здоровье, то этотъ томъ остался въ рукописи.

³⁾ Предисловіе къ грамматикѣ Ломоносова, изданной вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, въ воспоминаніе столѣтія Русской Грамматики, стр. 54 и 55.

ихъ умственное образованіе шло объ руку съ нравственнымъ воспитаніемъ.

Въ 1850 году, жестоко поразила Герасима Петровича неожиданная смерть старшей его дочери, бывшей уже въ замужствѣ. Эта потеря имѣла сильное вліяніе на его здоровье и на самый образъ его жизни. Любившій до того времени общество и дружескую бесѣду, онъ получилъ склонность къ уединенію и рѣдко выходилъ изъ кабинета. Чтобы сколько-нибудь облегчить свою горестъ, онъ принялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ малолѣтнихъ внуковъ, сыновей умершей дочери, какъ единственныхъ прямыхъ потомковъ. Въ ихъ невинныхъ играхъ, въ ихъ дѣтскомъ лепетѣ онъ находилъ себѣ утѣшеніе и отраду. Пять лѣтъ жили они подъ его надзоромъ и заимствовали отъ него много полезныхъ знаній. У Павскаго былъ рѣдкій даръ передавать дѣтямъ самыя разнообразныя свѣдѣнія ясно и внятно, потому они охотно слушали и скоро понимали его.

Въ 1855 году, здоровье Павскаго сдѣлалось такъ слабо, что онъ не въ силахъ былъ продолжать службу и въ таврическомъ дворцѣ; онъ просилъ себѣ увольненія на покой. Его Величество, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, въ ознаменованіе Своего благоволенія къ бывшему наставнику, сопричислилъ его къ собору зимняго дворца, оставивъ за нимъ все содержаніе и всѣ преимущества по службѣ. По случаю священнаго коронаванія Государя Императора, когда милости новаго Монарха обильно изливались на всѣ сословія, Герасиму Петровичу была оказана новая Монаршая милость. Боговѣнчанный Государь пожаловалъ ему драгоцѣнный бриллиантовый крестъ.

Герасимъ Петровичъ былъ вполне достоинъ этихъ милостей: онъ самъ былъ милостивъ и дѣлалъ добро всякому, сколько могъ. У него много было бѣдныхъ родственниковъ, которые жили его благодѣяніями; онъ никому не отказывалъ въ помощи, не рѣдко отдавалъ послѣднее. Часто люди посторонніе, вовсе ему не знакомые, прибѣгали къ нему въ своихъ нуждахъ, и всѣ получали по-сильную помощь. Что касается до нищихъ, то они собирались къ нему толпами, особенно въ праздники, и осаждали двери его квартиры. Когда Герасимъ Петровичъ, по окончаніи божественной службы, возвращался домой изъ церкви, тогда эти люди бросались ему на встрѣчу, цѣловали его руки и, получивъ щедрую милостыню, расходились въ разныя стороны, благословляя своего благодѣтеля.

Участь бѣдныхъ всегда сильно трогала Герасима Петровича:

на всякаго изъ нихъ онъ смотрѣлъ съ глубокимъ состраданіемъ, входилъ въ ихъ положеніе, утѣшалъ, ободрялъ. Если находилъ, что эта бѣдность происходила отъ ихъ собственной вины, то съ отеческою кротостію вразумлялъ виновныхъ и исправлялъ ихъ со всею искренностію.

Искренность была отличительнымъ качествомъ Герасима Петровича: онъ не любилъ притворства, презиралъ лицемеріе, прямо говорилъ, что было у него на сердцѣ; въ его словахъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась его душа; онъ говорилъ, что думалъ; если когда ошибался въ своихъ мысляхъ, то всегда готовъ былъ признаться въ своихъ ошибкахъ. При всей учености, въ немъ не было и слѣда того самолюбія, по которому иные не терпятъ никакихъ противорѣчій; онъ не вѣрилъ въ свою непогрѣшимость и съ благодарностію принималъ всякія замѣчанія, отъ кого бы то ни было.

Будучи строгъ къ своимъ ошибкамъ, Павскій былъ снисходителенъ къ погрѣшностямъ другихъ, и всегда склоненъ былъ извинить ихъ. На людей даровитыхъ, извѣстныхъ своими общепользыными трудами, онъ смотрѣлъ съ уваженіемъ, какъ на передовыхъ людей въ дѣлѣ умственнаго образованія. Всякому, кто оказалъ заслуги церкви или государству, онъ отдавалъ должную честь. Не смотря на то, что самъ около тридцати лѣтъ не имѣлъ никакого повышенія по службѣ, а трудился неутомимо, онъ никому не завидовалъ, никогда не ропталъ на свою судьбу; въ своихъ неудачахъ скорѣе винилъ себя, чѣмъ другихъ. Особенно добрая черта въ его характерѣ была та, что онъ не любилъ ни кого осуждать и худо говорить о другихъ. Если онъ зналъ чьи-либо пороки, никогда не разглашалъ ихъ; когда при немъ отзывались о комъ дурно, онъ недовѣрчиво слушалъ такіе отзывы.

Не смотря на высокое мѣсто, которое занималъ Герасимъ Петровичъ, въ немъ не было замѣтно ни гордости, ни тщеславія. Онъ какъ будто не сознавалъ, что стоитъ выше другихъ; со всѣми обходился, какъ съ равными; приходилъ ли къ нему вельможа, или простолюдинъ, богатый или бѣдный, онъ всякаго принималъ радушно. Никто не слыхалъ, чтобы онъ хвалился когда своими достоинствами или заслугами. Какъ профессоръ, онъ удивлялъ своихъ слушателей обширностію познаній, поражалъ ихъ съ кафедръ глубиною мысли; въ другихъ случаяхъ, какъ-бы скрывалъ свою ученость, говоря мало и то о предметахъ обыкновенныхъ. Въ немъ не было той нестерпимой заносчивости, по которой, иные, весьма посредственные писатели просвояютъ себѣ незаконное право все

осмѣивать или унижать, считая себя умнѣе другихъ. Я думаю, что если бы какой иностранецъ спросилъ Павскаго, сколько у васъ такихъ умныхъ людей въ Россіи, то онъ не задумавшись отвѣтилъ бы, подобно Георгію Конискому: «я послѣдній».

Такое кроткое направленіе ума и сердца было плодомъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя Павскій почерпнулъ изъ глубины ученія святой Вѣры. Божественныя истины, познанныя имъ въ самомъ источникѣ, проникнули все существо его и обратились въ немъ въ духъ и жизнь. Во всѣхъ дѣлахъ его видна была христіанская чистота и непритворная набожность: онъ жилъ для добра, думалъ о добрѣ, и дѣлалъ добро вездѣ, гдѣ только могъ.

Какъ служитель алтаря, онъ со всякимъ благоговѣніемъ совершалъ божественную службу и всѣ священнодѣйствія; строго исполнялъ церковныя правила и тому-же училъ своихъ дѣтей и внуковъ. Однажды, во время тяжелой болѣзни въ посту предъ Рождествомъ Христовымъ, когда врачъ запрещалъ Герасиму Петровичу употреблять постную пищу, больной съ твердостью отвѣчалъ, что скорѣе разстанется съ жизнію, нежели нарушить законъ церкви, который свято соблюдалъ съ самаго дѣтства. Въ другой разъ, когда тотъ-же врачъ не позволялъ ему, по слабости силъ, совершать литургію въ праздникъ Богоявленія Господня, — благочестивый старецъ отвѣчалъ, что въ такіе великіе праздники и больные стараются сходить въ церковь, а служителю алтаря грѣшно, по немощи тѣла, оставлять церковную службу. Ревность къ этой службѣ была такъ велика въ этомъ благоговѣнномъ пастырѣ, что онъ часто отправлялъ ее чрезъ силу, и возвращался изъ церкви въ совершенномъ изнеможеніи.

До послѣднихъ дней жизни Герасимъ Петровичъ сохранялъ въ ней чрезвычайную простоту. Родившись въ бѣдности, онъ съ дѣтства привыкъ довольствоваться малымъ; его природѣ противна была всякая роскошь, всякое излишество даже въ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Онъ довольствовался простою пищею, носилъ скромную одежду, жилъ въ небольшой квартирѣ, и пока былъ здоровъ, чаще ходилъ пѣшкомъ, чѣмъ ѣздилъ. Получая достаточное содержаніе, онъ и половины его не употреблялъ на свои нужды; прочее раздавалъ бѣднымъ, или тратилъ на книги; послѣ него ничего почти не осталось кромѣ книгъ.

Книги не выходили изъ рукъ Герасима Петровича до конца жизни; въ началѣ болѣзни, прекратившей дни его, будучи уже не въ силахъ держать въ рукахъ книгу, онъ заставлялъ читать свою

дочь Н—ду Г—вну, которая неотлучно находилась при немъ и окружала его самыми нѣжными попеченіями. Но когда болѣзнь усилилась и приняла опасный оборотъ, тогда больной отъ мудрости земной обратился къ премудрости небесной: онъ послѣдшилъ исполнить христіанскія обязанности, съ благоговѣніемъ пріобщился Святыхъ Таинъ и сдѣлалъ предсмертныя распоряженія. Болѣзнь съ разными видоизмѣненіями продолжалась два мѣсяца и не смотря на всѣ усилія двухъ искуснѣйшихъ врачей прекратить ее, кончилась смертію. Это случилось 7 апрѣля 1863 года, въ три часа по полуночи.

Лишь только разнеслась по городу вѣсть о кончинѣ Павскаго, какъ въ его квартиру стали стекаться люди разнаго званія. Кромѣ родственниковъ и друзей покойнаго, много постороннихъ, не знакомыхъ лицъ приходило плакать у гроба его; тутъ довольно было и такихъ, которые пользовались его благодѣяніями. На панихиды, которыя совершалъ протопресвитеръ В. Б. Бажановъ съ придворнымъ духовенствомъ, собиралось также много молящихся. 9 апрѣля, въ шесть часовъ пополудни вынесли усопшаго въ церковь Таврическаго дворца, при многочисленномъ стеченіи публики. На слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ утра, прибылъ въ церковь высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, митрополитъ С.-Петербургскій и началась божественная литургія; къ отпѣванію собрались прочіе члены Святѣйшаго Синода: высокопреосвященные, Арсеній митрополитъ Кіевскій, Платонъ архіепископъ Рижскій, протопресвитеры: В. Б. Бажановъ, В. И. Кутневичъ и весьма много почетнѣйшаго духовенства столицы. Въ три часа по полудни кончилось отпѣваніе, и печальная процессія двинулась отъ Таврическаго дворца къ Александроневской лаврѣ, гдѣ, при колокольномъ звонѣ, встрѣчена была смиренными иноками, которые вышли изъ своихъ келій, чтобы поклониться праху маститаго старца. Отсюда, послѣ краткой литіи, процессія потянулась по шлиссельбургской дорогѣ, на кладбище Императорскаго фарфороваго завода. Это отдаленное кладбище лежитъ въ живописной мѣстности; оно расположено по берегу широкой Невы, омывающей его своими волнами. Здѣсь погребена супруга Герасима Петровича, двѣ дочери и внукъ; здѣсь-же соединился и онъ съ своимъ усопшимъ семействомъ.